

От редакции:

В статье анализируется соотношение традиций и инноваций, дается их развернутое определение, представляются такие явления и понятия как исторический контекст и инновационное развитие. Дается характеристика основных теоретических подходов к изучению заявленной проблемы, определяется место и роль социологии в процессе изменения традиций под воздействием инноваций.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И
ИННОВАЦИИ:
(исторический контекст, теоретические
подходы и определение понятий)**

В.В. Колбановский
к.филос.н.

Проблема «традиции и инновации» является очень интересной «клеточкой» социологического исследования и совпадает с направлением «главного удара» по которому отечественная социология пытается осмыслить и разложить по категориям постсоветскую Россию – трансформирующуюся и реформирующуюся. Но приставка «пост» – есть коварная приставка.

В. А.Ядов отмечает, что Ральф Дарендорф (опираясь на классическое высказывание К. Маркса в «18 брюмера») иронизирует над неологизмом «пост» и называет его «постизмом». «Приставка «пост», отмечает он, означает неспособность атрибутивно определить наступающее или наступившее состояние. Кроме того (и это главное) постсостояние неизбежно содержит в себе *противоречие между воздействием традиций недавнего*

прошлого и их публичным отвержением»¹ (выделено мной – В. К.). В качестве примеров В. А. Ядов приводит «кентавризм» (неорганичное совмещение прошлого с новыми реалиями (третья переелицовка российско-советского гимна) и «мексиканизацию» (периферия Мексики живёт как сотни лет назад, население Мехико «американизировалось», аналогично – наши два стольных града и российская «глубинка»).

В. А. Ядов приводит множество определений нашего родимого отечественного и восточно-европейского капитализма «бандитский», «олигархический», «феодальный», «варварский», «спекулятивный», «капитализм без государства», а также политического строя: «демократура», «делегативная демократия», «авторитарная демократия», «режим-гибрид», «выборная монархия», «электоральная клановая система».

О чём всё это говорит? О том ли, что от социализма мы *уже* ушли, а к капитализму *ещё* не пришли? Или о том, что от традиционализма (как социетальной цивилизационной системы) *уже* отчалили, а к либерализму (другой крупнейшей цивилизационной системе) *ещё* не доплыли? Или же о том, что волны Истории «незаметно – потихоньку» гонят наш корабль в тихую гавань авторитаризма, патернализма и патримониального господства?

Перед нашей страной, благодарение Господу, стоят не эти альтернативы и бифуркации. Сегодня, в обстановке мирового кризиса всё меньше раздаётся голосов о строительстве капитализма в одной отдельно взятой стране и об «ударниках» капиталистического труда. Кстати говоря, немалое число «ударников» вышвырнуты с порогов частных предприятий на улицу и на биржи труда. Особенно тяжкое положение складывается в моногородах, а их по России – 40 единиц. Рабочему классу и среднему классу кризис показывает «кто в доме хозяин», а им был и остаётся союз, блок, консорциум (называйте, как хотите) крупного капитала с крупной бюрократией. Они и есть «властвующая элита», «новый правящий класс», подлинные «хозяева жизни».

Исторический контекст и инновационное развитие

Итак, атрибутивное определение того состояния, которое сложилось в нашей стране, отсутствует, а понятия «пост», «трансформация», «реформирование», «модернизация» неадекватны и лишь затемняют суть дела.

Решение вопроса, по моему мнению, может быть только в наиболее масштабном – всемирно-историческом контексте. Триста лет (с XVI по XVIII век) шли волны великих буржуазных революций, и они изжили традиционализм в его зрелой (крепостнической) и поздней (абсолютизм) форме. Они привели к развитию в Западной Европе и Северной Америке раннего и зрелого либерализма в

¹ Ядов В.А. Теоретико-концептуальное объяснение посткоммунистических трансформаций // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 6. М: Институт социологии РАН, 2007. С. 15.

капиталистической общественной форме. Эта форма существует уже два столетия и прошла три стадии: раннюю (превращение труда в товар в национальном масштабе), зрелую (превращение денег в товар в транснациональном масштабе, сращивание капитала с государством, империалистическая экспансия двух мировых войн) и позднюю (превращение природы в товар, разграбление планеты, битва за сырьевые энергетические и водные ресурсы, подчинение народов третьего мира «золотому миллиарду»). (Здесь я опираюсь на положения М. Буравого, И. Валлерстайна и других ведущих социологов в дискуссии о глобальной социологии низших слоёв)². Капитализму неоднократно предрекали скорую гибель – и Маркс в «Коммунистическом манифесте» и Ленин в «Империализме как высшей стадии». Это не произошло потому, что у капитализма и в XIX в. и в XX были ещё резервы, он не исчерпал до конца своих возможностей, он ещё был жизнеспособен как формация. Сейчас наступает естественный предел, тупик, потому что логика самовозрастания Капитала приводит его к универсальной эксплуатации всех ресурсов планеты и всех народов Земли, а это – тот рубикон, за которым простирается прекращение жизни на Земле.

России уже *поздно* становиться на путь марафона от раннего к зрелому, и от зрелого к позднему капитализму. Но у России есть исторический опыт Великой Октябрьской социалистической революции – четырежды прославленной поэтом и трижды проклятой и российским обывателем и многими социологами и социальными философами XX века.

«Тебе – обывательское –
«будь ты трижды проклята»
И моё, поэтово –
«четырежды славься,
благославенная!»»
(В. Маяковский)

Октябрьская революция «вырвала» из цепи империалистических войн первую сотню миллионов человек. Она привела к развалу колониальной системы империализма и высвобождению таких гигантов, как Китай и Индия. Она вызвала подъём и завоевания рабочего движения в Европе и Америке. Она преобразила технический и культурный облик России. Она, в конечном счёте, явилась «реактором» того «героического энтузиазма», который привёл наш народ – ценой величайших жертв – к исторической победе над фашизмом.

Но всякая великая революция двойственна по своим последствиям. Попытка вырваться из капиталистических тенет и тупиков привела Россию к тоталитарному «тупику» – к такой многоукладности, в которой сочетались самые архаические и

² См.: Буравой М. Что делать? // Социологические исследования. 2009. № 4.

рабские формы угнетения с самыми современными, при ведущей роли государственного капитализма, замаскированного под «общенародную социалистическую собственность».

«Перестройка» и рубежи 1991-93 гг. были попыткой вырваться из этой полуфеодальной и госкапиталистической многоукладности. В результате, мы имеем и сейчас не один – капиталистический уклад, а многоукладность (правда, иного характера, чем та, которая была в начале НЭПа). Переход всей общественной собственности в руки ничтожного числа «богатеньких буратинов» оценивается подавляющим большинством населения как нелегитимное и несправедливое, как социальный «беспредел». Об этом очень точно говорит М. К. Горшков: «В сегодняшней России социальное недовольство замыкается на базовые ценностно-мировоззренческие позиции россиян и в результате приобретает характер недовольства сложившимися в стране за годы реформ социально-экономическими отношениями, включая и распределение собственности, и распределение доходов... Дело здесь не в негативном отношении россиян к частной собственности вообще, а именно в нелегитимности её распределения в обществе, когда все создававшиеся трудом многих поколений национальные богатства и «от бога данные» природные ресурсы в о д н о ч а с ь е (выделено мной – В. К.) оказались сосредоточены в руках немногочисленной группы крупных собственников»³.

Россия не для того вырвалась из коммунистического «тупика», чтобы быть вновь загнанной в капиталистическо-маркетинговый «тупик» или же (что столь же неприемлемо) попятиться в стойла авгиевых конюшен авторитаризма и тоталитаризма.

Россия сегодняшнего дня находится в новой точке бифуркации. Первые точки – это 1985, 1991 и 1993 гг., когда всё более определённо обозначался поворот к капиталистическому пути развития – первоначально «дикому», а затем – по розовой мечте либеральных утопистов или утопических либералов – «цивилизованному».

Сегодня, в 2009 году всё более ясно обнаруживается, что за либерально-модерновым фасадом «цивилизованного» капитализма таится всё то же звериное нутро старого, заслуженного хищника, который не может существовать иначе, как питаясь жертвами всех трёх волн маркетинга, и сейчас – благословясь! – приступил к пожиранию природы – воды, воздуха, кладовых земли и самого человеческого тела!

В повестку дня Всемирной Истории всё более настойчиво стучится третья Великая Социальная революция.

Термин «революция» в наше время столь же не в чести, как и термин «материализм». Он ассоциируется со взятием Бастилии, со штурмом Зимнего и Кремля в 1917 г., и последовавшими за этим

³ Горшков М. К. Российское общество как новая социальная реальность / Россия реформирующаяся. М: Институт социологии РАН, 2007. С.5.

якобинскими и большевистскими «оргвыводами». Но социальная революция не тождественна политическим или технологическим революциям. Это необходимый момент всей эволюции социальной материи – момент «хаосизации» старой системы («прошлого» социального порядка) и перехода к новой, более сложной системе, к «будущему» (в котором возникают инновационные элементы, совершенно не содержащиеся в «прошлом»). Социальная революция охватывает – либо последовательно, либо параллельно – все подсистемы общественного здания – управленческую, экономическую, социоструктурную и социокультурную и замыкается на индивидах – субъектных носителях всей совокупности общественных отношений и институтов: она их переделывает на свой лад, она их либо адаптирует, либо дезадаптирует, либо возносит к высоким статусам и престижам, либо отлучает от привычной «кормушки». Иными словами, социальная революция есть наиболее всеобщая, наиболее универсальная и полная переделка и переработка и всего общественного бытия, и всего общественного сознания, всех трёх основных компонентов социетальной системы: социальности, культуры и индивидов.⁴ Но совершенно очевидно, что такая переделка и переработка не происходит во мгновение ока, она может длиться и сотни, и тысячи лет. Употребляя известное выражение Маркса, «новое общество во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет ещё родимые пятна старого общества, из которого оно вышло».⁵ «Родимые пятна» – это как раз и есть те традиции – наследство, от которых нельзя отказаться ни политическими декларациями, ни государственными декретами, ни поэтическими заклинаниями, ни теоретическими выкладками социологов. Традиции живут и сохраняются до тех пор, пока живут и сохраняются их социальные носители – большие и малые группы, а последние живут традициями даже тогда, когда уже исчезли социальные отношения и институты, их породившие (в «эпоху исторического материализма» это объяснялось «отставанием сознания от бытия»). Именно огромная инерциональная сила традиций делает столь затяжными и длительными Великие социальные революции.

Кратко о социальных революциях можно сказать следующее.

Первая Великая социальная революция (начавшаяся в эпоху бронзы и железа и длившаяся примерно до I тыс. н.э.) – это переход от малых обществ к большим, от кланово-трайбалистской системы к традиционному обществу как первому типу цивилизации. Эта революция превращает свободного общинника в подданного фараона или царя. Её инновацией является многоступенчатая иерархия «личной зависимости». Дисциплину авторитета старейшин и вождя она заменяет внеэкономическим принуждением, «дисциплиной палки», системой «поголовного

4 См.: Лапин Н. И. Общая социология. М.: Высшая школа, 2006. С.32.

5 Маркс К., Энгельс Ф. Критика готской программы». Соч. Т.20. С.18.

рабства (в первых или архаических цивилизациях); общинную собственность и самоуправление – инновацией институтов частной собственности и государства, социокультурные традиции первобытного равенства и абсолютного повиновения Роду – социальной силой особых органов принуждения и силой патерналистских традиций добровольно-холопского повиновения, когда люди настолько привыкают дышать воздухом рабства, что не осознают этого рабства.

Первая социальная революция высвободила человека от абсолютной клановой зависимости и в значительной степени от зависимости от стихийных сил природы, но она же погрузила человека в зависимость от социальной стихии, от жёстких и давящих структур традиционного общества. Вместе с тем, «в порах» этого общества (например, в античных полисах и в городах-коммунах Западной Европы) начинают прорастать прообразы гражданского общества, расширяется поле «личной автономии»⁶ и высвобождения человеческого «Я».⁷

Вторая великая социальная революция ведёт свой отсчёт от эпохи Возрождения и Реформации – это *эмансипация человеческого духа, человеческого тела и человеческих отношений* от «глыб» Средневековья, от сил и верований зрелого и позднего традиционализма (феодализма и абсолютизма).

Вторая социальная революция за три-четыре столетия (XVI – XIX вв.) привела к замене (в Западной и Восточной Европе) традиционного общества на либерально-техногенное (модерн) в его капиталистической общественной форме. «Личную зависимость» от надёжи-государя, отца-командира и барина-милостивца она заменила «вещной зависимостью» от купли-продажи рабочей силы и стихии национального и мирового рынка; внеэкономическое принуждение – экономическим принуждением и «дисциплиной палки», патримональный и «султанистский» (по М. Веберу) типы господства – целерациональным господством бюрократии в масштабах ведомства, капитала в масштабах отдельного производства и иррациональным господством социальной стихии, порождаемой как анархией капиталистического производства, так и безудержным стремлением капитала к самовозрастанию; систему патерналистско-холопских традиций – системой партнёрско-контрактных традиций, которая заменяет арапчеевскую «преданность без лести» силой денежных отношений и лестью большим Деньгам.

Вторая социальная революция была эмансипационной и освободительной по многим своим последствиям (достаточно сказать, что она открыла простор для становления и утверждения гражданского общества!), но одновременно, она неизмеримо усилила и сделала универсальной зависимость человека от

⁶ Старииков Е. Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. Часть VI.

⁷ Кон И. С. Открытое «Я». М.: Политиздат, 1978.

социальной стихии – от локальных и мировых войн, от мировых экономических кризисов, от различных форм экономического рабства. В настоящее время зависимость от социальной стихии вновь перемножается на всё возрастающую зависимость от природной стихии: гигантское и хищническое капиталистическое производство становится источником столь же гигантских природных и техногенных катастроф. Вывод один: мир стоит накануне третьей Великой социальной революции, а суть её одна: она должна быть направлена против всех трёх волн маркетизации, трёх форм самовозрастания Капитала, она должна быть антибуржуазной и антикапиталистической по своему содержанию (что отнюдь не означает тотально и дотла уничтожающую всю и всяческую частную собственность!)

Открытый Марксом общественный характер производства требует общественного же контроля, управления и регулирования. Форма государственного социализма оказалась неприемлемой, неэффективной, нежизнеспособной, она приводила и постоянно приводит к номенклатурно-бюрократическому абсолютизму. Но социалистические «начала» в общественной жизни (социальная защита низших слоёв, прогрессивный налог на сверхдоходы, формы демократического самоуправления не только муниципалиями, но и производством) – всё это достаточно давно вошло в повседневную практику индустриально-развитых стран и всё это тщательно вытаптывалось в практике российских ультралибералов в 1990-е гг., да и в наше время.

Россию нечего кроить по лекалам вестернизации и капиталистического «модерна» – это тупиковый путь развития! Но у России есть собственный опыт – как положительный, так и отрицательный – антикапиталистического и антибуржуазного развития. Положительный – это массовый подъём 1920-30-х гг. на штурм твердынь техники, науки, образования, на переделку страны из аграрной в индустриальную, на приток народных талантов во всех сферах культуры и социальных институтов – производство, школу, армию и т.д. Отрицательный – это всё подавляющая и мертвящая сила «красного бонапартизма», личной диктатуры Сталина и построенной им «вертикали» больших и малых чинуш.

Подведя итоги сказанному, надо отметить: Россия начала, но так и не завершила ни одну из серьёзных задач революции буржуазно-демократической; она начала, но так и не реализовала принципы революции социалистической. Но стремление к подлинному демократизму – как народовластию, как самоуправлению, независимому от бюрократического диктата; стремление к подлинно социалистическим «началам», как основам социальной справедливости и социального равенства – эти стремления были и остаются живой и могущественной традицией народов России. Реализацию этих традиций она может

осуществить в ходе третьей великой социальной революции, на пороге которой стоят все остальные народы мира.

Каковы цели, задачи, характер, способы реализации Третьей Великой социальной революции – это особый и очень сложный вопрос и фактически именно о ней говорят ведущие социологи мира – М. Буравой, И. Валлерстайн, А. Мартинелли. Смысл их позиции: мир меняется кардинально и меняется не «за», а «против» Капитала. Социология должна принять не только теоретическое, но и практическое участие в этом изменении. Как профессиональные социологи, они понимают, что современный мир представляет исключительно сложный и мозаичный конгломерат простейших – общинных, сложных – традиционных и сверхсложных – техногенных систем, каждая из которых обладает собственной огромной традиционной инерциальностью. Поэтому невозможны такие глобальные предприятия как мировая социалистическая революция, мировое государство, мировое гражданское общество. Поэтому и невозможен коммунистический «проект», который пронизан «европоцентризмом» и предельным упрощенчеством: единый экономический базис, единая политическая надстройка, единые – «на одну колодку» – культура, система ценностей, формы сознания. Длительный полураспад и стремительный развал СССР и «соцлагеря» – тому прямое историческое подтверждение.

Но в коммунистическом «проекте» содержится исключительно точный анализ анатомии и физиологии Капитала и доказательство того, что он не является вершиной исторического развития и воплощением Мирового Духа, наподобие прусского государства у Гегеля. В этом «проекте» содержится разработка таких социалистических «начал», которые необходимы и обязательны для *любого* индустриально-развитого общества и которые (общественное планирование, контроль и регулирование производства, обмена и распределения) в той или иной форме, с той или иной полнотой, при маятниковом урезывании или расширении расходов на социальные нужды, социальное *воспроизводство* и прирост человеческого капитала – уже применяются в самых что ни на есть буржуазно-капиталистических странах, но *ещё* отсутствуют в «третьем мире».

Вторая и третья Великие социальные революции задают «граничные условия» для нашей страны: она ещё далеко и не во всём решила задачи второй революции: она только ещё выходит из традиционного общества и самой его агрессивной и фундаменталистской формы – тоталитаризма, поэтому традиции этих исторически отживших систем (как до, так и послереволюционные) не только рудиментарны, но и воскресают, живут, а во многом и стимулируются в современной России. Вместе с тем и тот «либеральный фундаментализм» и его традиции, которые восторжествовали на Западе, также не являются «пределом, его же не перейдеш», ибо уже надвигается третья – отрицающая маркетизацию – волна Истории. Россия находится

между второй и третьей волнами – и в этом её огромный исторический шанс, её потенциальная возможность войти в современное социальное пространство за счёт сбережения и ускорения социального времени: для этого надо не повторять слепо, бездумно, и механически весь тот путь, который прошёл Западный мир *после* второй социальной революции (это означает догонять и никогда не догнать западные образцы, традиции и ценности), а искать, вырабатывать, производить те институты, отношения, инновации, которые будут наиболее адекватны, наиболее пригодны для третьей великой социальной революции, цель которой – универсальная эмансипация человека и человечества от социальной и природной стихии, от форм принудительной социальной зависимости, от форм культурного и информационного отчуждения, словом, от всех тех «невидимых форм» социального порабощения, которую принёс с собой и в геометрической прогрессии гипостазирует Капитал.

Краткий анализ трёх великих социальных революций представляется необходимым, ибо он задаёт «граничные условия» и для нашей непосредственной проблемы: «традиции и инновации». Из этого анализа вытекает, что социальная революция означает: смену традиций и кардинально-инновационную переделку а) типа общественной зависимости б) типа общественной дисциплины в) типа господства г) доминирующей социальной силы – социокультурных традиций или различных форм социального принуждения.

Особенность всемирно-исторического процесса состоит в том, что традиции, выработанные и укоренившиеся в определённой форме общества, не исчезают одномоментно и механически *вместе* с этой формой общества. Они обладают силой инерции, они продолжают жить и в новой волне социальной революции, направленной именно против них, и после неё, уже в новом общественном строе, где они становятся всё более архаичными, но отживают только вместе с последними социальными носителями и приверженцами этих традиций.

Инновация – технологическая, культурная и особенно социальная – возникает спонтанно в недрах старого строя: капиталистические мастерские появляются в Италии в XII в., протестантизм в XVI в, но только глубокий кризис позднего феодализма, как отжившей системы, приводит в XVII – XVIII вв. к объединению этих элементов, когда этика протестантизма становится «руководством к действию», а мастерская с наёмными рабочими – общественной формой первоначального Капитала. Иными словами: родившись ещё до волны социальной революции или *на гребне* этой волны, инновация становится доминирующей силой, фундаментальной основой того общественного строя, который возникает после волны. И тогда она – по исторической необходимости – традиционализируется и становится «несущей конструкцией» – традицией этого строя. Но тогда же от инновации

– капиталистического предприятия – как ножом гильотины отсекаются ставшие уже ненужными религиозно-этические обоснования и остаются утилитарно-экономические и революционно-политические (триединство боевых лозунгов Французской революции).

Всяческая серьёзная инновация разрушительна по отношению к силам и традициям старого мира. Поэтому всякая инновация – революционна, но не всякая Революция – инновационна. Это относится к так называемым «консервативным революциям», которые были весьма часто в XX веке – пример: «национал-социалистическая революция» Адольфа Гитлера.

Теоретические подходы к проблеме и определение понятий

А. Б. Гофман характеризует традицию как «социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определённых обществах и социальных группах в течение длительного времени». К традициям он относит: определённые культурные образцы, социальные институты, нормы, ценности, знания, обычаи, ритуалы, стили и т.д. Традиции составляют *основание, элемент и результат функционирования коллективной памяти* (выделено мной – В. К.) общества и социальных групп, обеспечивая их самотождественность и преемственность в их развитии. Подчёркивая в первую очередь социокультурную сущность традиций как «оснований коллективной памяти» А. Б. Гофман считает, что они не имеют фатально-предопределяющего характера: социальные субъекты осуществляют *отбор* из различных культурных образцов недавнего и далёкого прошлого, находящегося в их распоряжении. Традиция – основание, подвергшееся отбору (когда социальная группа по своему её интерпретирует, приписывает ей новое значение и смыслы, которых до этого отбора не было), – трансформируется в традицию-обоснование, т.е. легитимацию мотивов, способов и форм деятельности и поведения данной социальной группы в новых исторических условиях. А. Б. Гофман отмечает: «Мы всегда выбираем не только своё настоящее, не только своё будущее, мы всегда вольно или невольно выбираем своё прошлое»⁸.

Верна ли и правильна ли трактовка традиции как социокультурного феномена соотносящегося с прошлым, но не исчерпывающего собою того набора культурных образцов, который составляет «ценностно-нормативное ядро общества, который Э. Дюркгейм называет «коллективным сознанием», Т. Парсонс «структурированным нормативным порядком и т.д.»

Безусловно, и верна, и правильна, и социологически продуктивна. Вместе с тем, могут быть и другие подходы и

⁸ Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики/ Под редакцией А.Б. Гофмана. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С.19.

трактовки, идущие от социологической и естественно-научной классики, и дозволяемые полипарадигмальностью социологии. Остановимся на трёх подходах: Ю. А. Левады, опирающегося в основном на структурно-функциональный анализ; Н. И. Лапина, опирающегося на «триаду П. Сорокина»; теорию самоорганизующихся систем И. Р. Пригожина и синергетику Г. Хакена.

а) Подход Ю. А. Левады.

М. Буравой говорит о «титанах советской социологии». Одним из ярчайших лидеров её демократического крыла был Юрий Левада – титан и по своему интеллекту, и по своему физическому складу, но более всего – по силе духа, по той «внутренней» да и внешней свободе, которой он отличался и в советские годы, и до самого последнего смертного мгновения за рабочим столом в «Левада-Центре».

В 1970 г. для «Философской энциклопедии» он написал, а в 1993 г. переиздал небольшую в четверть страницы статью «Традиция» Но иная статья – «томов премногих тяжелей». Попробуем проследить – шаг за шагом – ход мысли этого глубокого и прозорливого социолога.

Ю. А. Левада определяет традицию следующим образом:

«ТРАДИЦИЯ (от лат. tradition – передача, предание). В социологии – механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних обосновывается, узаконяется самим фактом их «существования в прошлом»⁹.

Итак, во-первых – *механизм воспроизводства* институтов и норм есть не просто «наследие» прошлого, а определённый *регулятор* или способ передачи по «стреле времени» – от прошлого к настоящему и будущему, определённое «передаточное звено», обеспечивающее бесперебойное функционирование, непрерывность, стабильность, преемственность, но и граничную неизменность социума.

Во-вторых, в соответствии с типологией М. Вебера, традиционное действие и отношения не ориентированы на достижение определённой *цели*, а только на повторение прошлого образца. Ю. А. Левада отмечает: «Целесообразность, функциональность традиции, *обеспечивающей поддержание определённого социального строя и норм* (выделено мной – В. К.) обычно не осознаётся».

В-третьих, традиция консервативна, а зачастую и попросту косна. Она передаётся практически (имитационно) либо фольклорно (символика, мифология, ритуал), «всякое новшество в механизме традиции оценивается как *вредное отклонение и устраняется*» (выделено мной – В. К.).

В-четвёртых, (это весьма существенно) традиция оказывается необходимым и достаточным средством «простого воспроизводства» социальной системы во времени, но это

⁹ Левада Ю.А. «Традиция» // Лекции по социологии. М., 1993. С. 21.

относится к самым первым и архаичным системам. Ю. А. Левада пишет: «Универсальной формой поддержания социальной организации и культуры традиция может служить лишь в относительно простых, изолированных и стабильных социальных структурах, где идеологическая и социально-практическая сферы деятельности не обособлены от сферы воспроизводства культуры». В этой связи Ю. А. Левада приводит следующее ключевое положение Маркса: «Во всех этих формах основой развития является воспроизводство заранее данных отношений отдельного человека к его общине и определённое, для него – предопределённое, объективное существование как в его отношении к условиям труда, так и в его отношении к своим товарищам по труду, к соплеменникам и т.д. – в силу чего эта основа с самого начала имеет ограниченный характер, но с устранением этого ограничения она вызывает упадок и гибель»¹⁰.

В простейших социальных системах традиция воспроизводит и предопределяет дальнейшее воспроизводство именно этой ограниченной основы, именно бедности и неразвитости социальных отношений. Не нуждаясь в какой либо иной *внешней* силе, она сама становится *универсальной социальной силой*, которая лепит настоящее и будущее простого социума по неизменным образцам прошлого. Абсолютно традиционалистским следует считать не так называемое «традиционное общество» (первые ступени цивилизации), а точнее всего – первобытное (антропогенное) общество, в котором биологические инстинкты социальных приматов за десятки тысяч лет преобразовывались в социальные инстинкты, вырабатывались в традиции, т.е. первые институты и нормы жизни родовой общины, приобретали сакральный характер и их нарушение каралось смертью или изгнанием из Рода.

В-пятых, в сложных обществах традиция перестаёт быть универсальным и становится дополняющим механизмом социального воспроизводства: «В более развитых обществах, которые не могут жить традицией, последняя дополняет систему других (идеологических, в т.ч. юридических, а также рационально-практических) средств поддержания и воспроизводства общественной структуры; традиция здесь подлежит соответствующей интерпретации, её функции ограничиваются легитимацией (символической и просто вербальной) определённых порядков и норм».

Наконец, в-шестых, механизм традиции приобретает особое значение в социальных движениях, которые апеллируют к привычным для масс или конкретной группы формам сознания. Так средневековые народные движения обращались к мессианским или монархическим традициям, английская революция XVII в. – к раннехристианским, а французская XVIII в. – к античным идеологическим традициям. В заключение статьи

¹⁰ Маркс К. , Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч.1. С.475.

Ю. А. Левада пишет: «Характерной чертой современного национализма и фашизма является использование традиционных форм для легитимизации по существу нетрадиционных отношений (в т.ч. идеологических), обращение к древней (или псевдонациональной) символике». Этот вывод не потерял своей актуальности и почти сорок лет спустя!

Все формы позднего или рецидивирующего традиционализма – праворадикальная (фашизм), леворадикальная (большевизм), исламский фундаментализм, смесь ультраконфессионализма с ультранационализмом в одном флаконе – все это социокультурные феномены XX – начала XXI в. используют (в точности по Леваде!) «традиционные формы для легитимизации нетрадиционных отношений». Фактически, это социокультурная традиция с обратным знаком – т.е. направленная против эмансипационной социальности и эмансипирующей культуры в многовековых битвах завоёванных человечеством. Более того, эти формы есть попытка поворота от настоящего и будущего к «светлому прошлому», поворота самой «стрелы времени». Физический мир этого не допускает, в социальном мире такой поворот обходится миллионами человеческих жизней, и в конечном счёте – политической, если не физической смертью самих «поворотчиков».

Подробный анализ статьи Ю. А. Левады позволяет сделать следующие выводы:

1. Традиция, безусловно, имеет прежде всего социокультурную природу, она есть «факт сознания» – застывший и неизменный элемент «коллективной памяти», который передаётся из рода в роды без разрушения его целостности и последовательности действий; его сакральность «овеяна веками».

2. Первые социальные институты семьи, брака, родства, коллективного труда и распределения (реципрокция и редистрибуция по К. Поланьи) – передавались через механизм традиции, которая тем самым стала необходимым элементом *простого воспроизводства и стабильного функционирования* малого общества (общины, рода, племени).

3. Но *рядом* с традицией, *внутри* традиции и *против* традиции возникает и набирает силу инновация – первоначально технологическая (изменение способов оббивки камня, переход к кости, к бронзе и железу, гончарным изделиям, изменениям агрокультуры и т.д.), и как неизбежное следствие – идущее *вразрез* с традицией и *против* традиции изменение социальных отношений и институтов. Если традиция обеспечивает функционирование и простое воспроизводство социума, то инновация – развитие и расширенное воспроизводство социума.

4. Историческая роль традиции в этой связи постоянно изменяется: она универсальна, т.е. представляет наиболее могущественную социальную силу в простых и ограниченных обществах, она относительна, т.е. дополняет другие механизмы и

способы ретрансляции социальной организации и культуры, в обществах более крупных, сложных и сверхсложных.

5. Традиция становится мощной мобилизующей силой в народных движениях и революциях, но она же может стать основой самого консервативного и реакционного фундаментализма.

б) Подход Н. И. Лапина (антропосоциетальная теория)

Мне уже приходилось на страницах «Социологического журнала» анализировать теорию Н. И. Лапина¹¹. Она имеет самое непосредственное отношение к проблеме традиций и инноваций. В монографии «Традиции и инновации в современной России» имеется статья А. Л. Темницкого. Он очень содержательно и интересно разбирает четыре возможных интерпретации социокультурного подхода, который считает наиболее идеологически нейтральным и адекватным для проблемы. Говоря о «триаде» П. Сорокина он подчеркивает, что великому русскому социологу удалось уйти от однофакторного подхода к объяснению социальной реальности, будь то экономический детерминизм К. Маркса или культурный детерминизм М. Вебера (хотя, по моему мнению, ни Маркс ни Вебер «в сей крови неповинны!»). А. Л. Темницкий считает, что П. Сорокин, сделав акцент на неразделимости и паритетности социального и культурного, не дал достаточного и ясного ответа на вопросы о возможных противоречиях и борьбе между этими составляющими социокультурной реальности. Подобный же упрек он адресует Н. И. Лапину: С его точки зрения Н. И. Лапин, «разрабатывая принципы социокультурного подхода, представляет общество как большую самодостаточную социокультурную систему, в которой сохраняется динамичный баланс между культурными и социальными компонентами», но стремление использовать теорию и методологию Т. Парсонса «уводит на задний план вопросы потенциальной противоречивости между социальным и культурным»¹².

Ответ на поставленные вопросы А. Л. Темницкий находит в социокультурной теории А. С. Ахиезера «вечного раскола» между социальными отношениями и культурой, противоречивость которых рассматривается как фундаментальная атрибутивная характеристика. Источниками социокультурных противоречий «становятся культурные программы, которые смещают воспроизводственную деятельность таким образом, что в результате разрушаются, становятся нефункциональными жизненно важные социальные отношения». В целом А. С. Ахиезер видит в культуре, а не в социальных отношениях, больше возможности для свободного выхода за собственные рамки. Культура рассматривается как «сфера творчества и фантазии, а

¹¹ См.: Социологический журнал. 2008. №3. С. 136-152.

¹² Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики/ Под редакцией А.Б. Гофмана. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С.129.

социальные отношения всегда должны оставаться функциональными уже в силу самой своей воплощенности в массовый воспроизводственный процесс»¹³.

Таким образом, культура человека более инновационная и обладает преобразующими, а не консервативными функциями по сравнению с социальными отношениями, которые «по определению» более традиционны. Так ли это на самом деле и как соотносятся между собой социокультурные подходы А. С. Ахиезера и Н. И. Лапина?

Антропосоциетальная теория Н. И. Лапина содержит очень большой потенциал противоречия между объективной стороной социума – социальностью, как *организацией* деятельности людей, культурой – как *способом* деятельности людей и субъектной – индивидами, как *актерами, носителями и творцами* социальных отношений и культуры.

Эти три основные компоненты социума паритетны, по отношению друг к другу, но они взаимопроникают друг в друга и поэтому неотделимы друг от друга: нет социальности вне культуры и индивидов, нет культуры вне социальности и индивидов, нет индивидов (если только они не прибывают в вакууме!) вне социальности и культуры! Царит ли гармония и благолепие между этими компонентами? Нет и ещё раз нет!

Н. И. Лапин вводит понятие «неполной (относительной) респонсивности (соответствия)» между этими компонентами. Эта респонсивность вырабатывается исторически, она не может быть плодом «фантазии» и произвольного выбора людей – она всецело есть продукт тех социальных обстоятельств, «которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»¹⁴.

Какой социальный механизм закрепляет, поддерживает, воспроизводит и сглаживает неполноту антропосоциокультурной респонсивности? Безусловно, прежде всего и более всего – традиция (пока не появились иные политические, правовые и идеологические «скрепы» общества). Но и тогда она продолжает оставаться могущественной социальной силой, направляющей поведение людей либо в соответствии с адекватной ей социальной реальностью, либо *против* изменившейся социальной реальности.

То, что в антропосоциетальной теории содержится не дуальная оппозиция социального и культурного, а тройственная (на сцене появляется автор и актёр собственной исторической драмы – субъект), делает эту теорию инструментом изучения противоречий:

- между старой и новой социальностью (системой отношений, «обстоятельств, которые даны от прошлого»);
- между старой и новой культурой (системы ценностей, формы сознания);

¹³ Там же. С. 129-130.

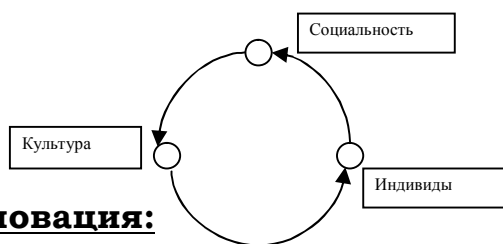
¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.8. С. 119.

- между старой социальностью и новой культурой;
- между новой социальностью и старой культурой;
- между старым и новым типом личности и их отношением к традиционной или инновационной социальности и культуре.

Иными словами, набирается внушительное число социальных или социокультурных противоречий, каждое из которых может стать особым предметом социологического исследования. Н. И. Лапин делает это с присущей ему обстоятельностью в главах 22-25, где он анализирует противоположно направленные процессы, вычлняя в каждом его социальные, культурные и личностные компоненты.

Графически соотношение традиции и инновации и составляющих эти механизмы компонент можно изобразить следующим образом: (см. Рис.1)

Традиция:

Инновация:

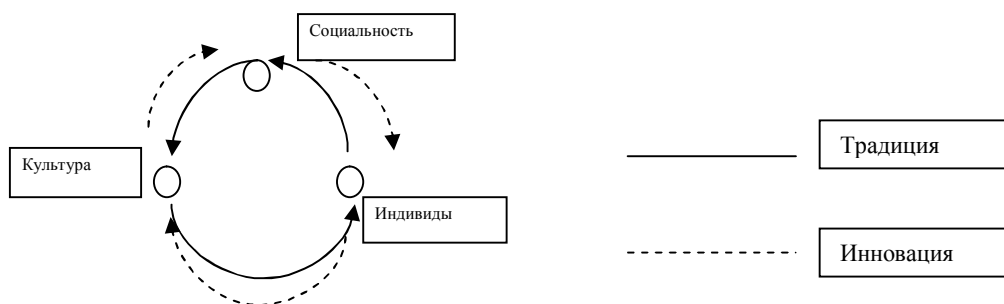
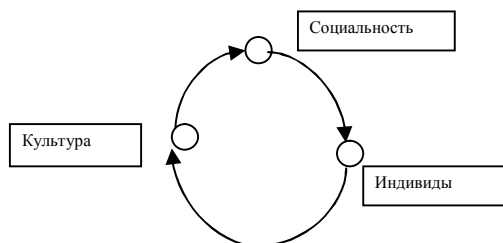

Рис. 1. Традиция, инновация и их компоненты

(1) Таким образом, это, прежде всего, противоположно направленные процессы.

(2) Традиция усиливает полноту респонсивности компонентов, инновация её разрушает.

(3) Источником и усилителем традиционализации может стать *любой* из компонентов, но, как правило (и в соответствии с марксизмом), основной социальной силой являются отношения и институты, которые достались людям из прошлого.

(4) Источником и усилителем инновационных процессов может стать *любой* из компонентов, но, как правило (и в соответствии с веберизмом), таким источником становится культура (изменение способов деятельности). Но инновационный потенциал культуры может реализоваться только там, где созрели благоприятные для него объективные обстоятельства (социальность) и субъективные факторы (индивиды, способные воспринять и поддерживать эту культуру).

Таким образом, один из компонентов может дать импульс, но для образования более полной респонсивности или для её нарушения и даже уничтожения необходимо совместное действие всех *трёх* компонентов социума, а оно не происходит по мановению дирижёрской палочки, властвующей элиты, или фантазии гениального мыслителя, или заговора политического андеграунда. Оно может свершиться только естественно – исторически и в определённом социальном пространстве-времени.

в) Подходы И. Р. Пригожина (теория самоорганизующихся систем) и Г. Хакена (синергетика)

Эволюция универсальна: спонтанное самодвижение от неживой материи к живой, и от живой к социальной материи в историческом времени подчинено некоторым наиболее общим законам. На философском (качественном) уровне эти законы постигает диалектика, на естественнонаучном (количественно-математическом) уровне эти законы пытается охватить и осознать теория самоорганизующихся систем И. Р. Пригожина и синергетика Г. Хакена.

По антропоцентристскому самодовольству и самовосхвалению человека как «венца творения» и как «центра Вселенной» за последние пять столетий были нанесены сокрушительные удары Коперником, Галилеем, Кантом и Лапласом, Дарвином, Эйнштейном, а в конце XX в. И. Р. Пригожиным и Г. Хакеном. Устойчивая, детерминистическая, гармоничная Вселенная, где царит извечно предустановленный «порядок», обрушилась под ногами, и мы оказались в неуютном мире «детерминистического хаоса», где господствуют вероятностные и нелинейные законы, где неустойчивость – правило, а равновесность – скорее исключение из правил, где «стрела времени» строго направлена из прошлого в будущее, а это исключает постоянную стабильность мира и открывает бесконечные возможности флуктуаций-отклонений и

бифуркаций, новых инновационных траекторий развития. И подобно тому, как у Ильфа и Петрова обыватель 1920-х гг. брюзжал: «наделали делов эти бандиты Маркс и Энгельс!», современный обыватель от науки – сторонник строгого детерминизма и определённости – ворчит: «Наделали делов эти ересиархи Пригожин и Хакен!».

Совсем недавно появилась интересная обобщающая статья Л. Н. Васильевой «Наследие И. Р. Пригожина и социальные науки»¹⁵. Капитальные труды Е. М. Князевой и С. П. Курдюмова, серия книг «Синергетика и гуманитарные науки» под редакцией проф. Г. Г. Малинецкого, очень серьёзная работа проф. Чернавского, где содержится сопоставление диалектики и синергетики¹⁶. Социология только ещё подходит к осознанию значения теории самоорганизующихся систем для решения своих собственных задач.

Из статьи Л. Н. Васильевой приведу несколько ключевых положений. Для синергетики существует целый класс явлений, которые возникают от *совместного действия* нескольких разных факторов в *условиях*, когда каждый фактор в отдельности такого эффекта не даёт. «Для социологии это означает появление *методологической базы* исследования процессов *самоорганизации* поддержания и распада структур в социальной системе с учётом факторов её обмена с окружающей средой информацией, веществом и энергией»¹⁷.

Следует согласиться с утверждением Л. Н. Васильевой: «Философию нестабильности с полным правом можно признать мировоззренческой, теоретической и методологической основой серьёзных, фундаментальных социологических исследований»¹⁸.

Необходимо сделать только одно (существенное!) дополнение: сама философия нестабильности (синергетика) является составной частью ещё более общего мировоззренческого подхода, а именно: системно-эволюционного понимания природы и общества.

Попробуем соотнести ключевые понятия теории самоорганизующихся систем (синергетики) с проблемой нашего рассмотрения (традициями и инновациями).

(1) Неравновесность.

Открытые системы неравновесны: через них протекают потоки информации, вещества, энергии, их устойчивость – относительна, их нестабильность – абсолютна. Для социальных систем традиция есть механизм сохранения и воспроизводства устойчивости и стабильности, инновация – механизм нарушения стабильности и определённости (детерминированности), механизм выхода за пределы этой системы. «Закрытые» общества более

¹⁵ Васильева Л. Н. Наследие И. Р. Пригожина и социальные науки // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 29.

¹⁶ Чернавский Д. С. Синергетика и информация. М.: УРСС, 2004. Гл. 7.

¹⁷ Васильева Л. Н. Наследие И. Р. Пригожина и социальные науки // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 29.

¹⁸ Там же.

устойчивы и долговременны, открытые – менее стабильны и долговременны, т.к. возрастающий поток информации требует их постоянного обновления.

(2) Порядок и хаос.

Традиция есть верный страж «порядка» в социальной системе, инновация – возмутитель спокойствия, подрыватель основ, тот (на языке полицейских протоколов XIX в.) «сицилист, который пуцает революцию». Говоря же социологическим языком, традиция сберегает баланс (порядок респонсивности) основных конгломератов социума, инновация его нарушает, дезорганизует, хаосизирует – и, в конечном счёте, приводит к новой конфигурации социальных сил в более сложной системе.

(3) Неопределённость.

Равновесные системы представляют собой торжество детерминизма и линейных законов; неравновесные системы – арена вероятности, многовариантности и нелинейности. Но и сама нелинейность предполагает: а) структурную устойчивость, где имеет место детерминизм, б) точки бифуркации с вероятностным характером. Л. Н. Васильева пишет: «Приспособляемость и пластичность – два основных свойства нелинейных динамических систем... Поэтому естественно ожидать, что наиболее адекватными для *социальных систем* будут динамические модели, учитывающие эволюцию и *изменчивость*»¹⁹.

Традиция и инновация есть механизмы социальной адаптации и дезадаптации. Традиция обеспечивает «структурную устойчивость» социальной системы, но поскольку она открыта всем ветрам Истории, через неё протекают информационные и энергетические потоки – возникают неизбежные инновационные флюктуации (отклонение от заданной траектории типа известного «клинамена» Эпикура). Инновация образует механизм дезадаптации и преобразования системы в более сложную.

(4) «Стрела времени»

Она, в соответствии с теорией Эддингтона, направлена из прошлого в будущее. Поворот «стрелы времени» не разрешён, и всякие попытки такого «поворота», как уже отмечалось выше, заканчиваются прискорбно для самих «поворотчиков». Традиция переносит в будущее без изменений и корректив только то, что содержится в прошлом. Инновация – это та точка бифуркации в исторической траектории, когда возникает феномен (технологический, социальный, культурный и т.д.), который в прошлом не содержался и который даёт начала новой траектории развития. Такого рода флюктуации есть малые причины, порождающие большие и при этом необратимые следствия. Например, появление в конце Средневековья в Западной Европе

¹⁹ Васильева Л. Н. Наследие И. Р. Пригожина и социальные науки // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 35.

пороха, компаса, печатного станка производит подлинный переворот в военном деле, мореходстве и особенно – в культуре и грамотности. Библия, отпечатанная Гуттенбергом и Иваном Федоровым, явилась прологом и европейской Реформации, и российского расколичества. Это же можно сказать и о второй, после Гуттенберга, революции – Интернете, который – по Кастельсу – создает «виртуальную реальность» и «реальную виртуальность».

(5) Характер «обратных связей».

В естествознании различаются два типа «обратных связей» в физических (да и социальных) системах а) отрицательная (выход < входа), поддерживающая стабильность и самосохранение системы; б) положительная (выход > входа), ведущая к возрастанию интенсивности процессов, но одновременно и способной сделать систему настолько неустойчивой, что это приводит к саморазрушению её структур. Очевидно, что традиция ближе к типу отрицательных обратных связей, инновация – к типу положительных обратных связей.

(6) Структурность и информация.

Структурность – информационна, информация – структурирована: между этими атрибутивными свойствами как неорганической, так и органической и надорганической материи существует непрерывное взаимодействие и взаимопроникновение, порождающее всё многообразие неживой и живой природы, а также общественного бытия и сознания. Норберт Винер давал негативное определение: «Информация есть информация, а не материя и не энергия». Столь же негативно можно определять: «Информация не есть сознание». Более определённо можно сказать, что и информация и структурность столь же «нематериальны» как пространство и время, но только благодаря взаимодействию этих четырёх атрибутов материи возникают, функционируют и развиваются и материя, и сознание.

Для социологии общественной формой структурности является социальность (*организация деятельности людей*), а общественной формой информации – культура (*способы деятельности людей*). Очевидно, что и сама организация деятельности и способы деятельности разделяются лишь в абстракции, в повседневной жизни они неотделимы друг от друга: социальность поддерживается и пронизана культурой, культура базируется и укрепляется социальностью: но это только в том, случае, когда они *респонсивны*, когда они *соответствуют* друг другу, когда есть индивиды – носители этих общественных форм, их субъекты и одновременно, их объекты. В этом случае структурность (социальность) и информация (культура) не только приемлемы, но и сакральны для общественных групп и образуют ту *традицию-наследство*, которая передаётся от поколения к поколению. Здесь необходимо подчеркнуть, что традиция-наследство есть не просто культурный или социокультурный феномен («факт сознания»), она есть достаточно органичное

соединение двух начал: организации социальной жизни (структурности) и способов деятельности в материальном и духовном производстве (информации).

Но механизм традиции-наследства работает только в случае респонсивности основных компонентов социетальной системы. Выше указывалось, что между ними никогда не существует полного соответствия. Есть неполное, и эта неполнота может возрастать и увеличиваться благодаря появлению инновативных отклонений – флюктуаций, когда «структурная устойчивость» системы нарушается в точке бифуркации и процесс уничтожения старых структур становится необратимым, а информация (культура), сосредоточенная в этой точке, становится источником, зародышем, программой становления более сложной системы и её структурности.

Что в итоге?

Подведем итоги сказанному, опираясь на указанные выше гранд-теории и работы отечественных социологов Ю. А. Левады, Н. И. Лапина, А. Б. Гофмана.

I. Традиция и инновация есть два взаимодействующих и взаимодополняющих механизма самоорганизации простых, сложных и сверхсложных социальных систем.

II. Традиция обуславливает:

- стабильность, устойчивость, преемственность, непрерывность, самосохранение и функционирование надорганических систем;
- передачу социального и культурного наследства предшествующих поколений последующим;
- более полное соответствие основных компонентов социума;
- адаптацию социальных групп к господствующей социальности и культуре;
- простое воспроизводство существующего общественного строя и норм;
- отрицательную обратную связь процессов внутри социальных систем, что поддерживает их структурную устойчивость;
- определённую ограниченность социального пространства и замедление социального времени.

III. Инновация обуславливает:

- нестабильность, неустойчивость, многовариантность и нелинейность процессов, «перерыв постепенности», новые траектории по «стреле времени», хаосизацию социальной системы и её превращение в более сложную и сверхсложную системы;
- пересмотр социокультурного наследства прошлого и «выбор» из него того, что соответствует настоящему и будущему;
- усиление неполноты соответствия основных компонентов социума и возможность их качественного самоизменения и новой конфигурации социальных сил;

- дезадаптацию социальных групп к господствующей социальности и культуре, выработку ими новых социальных отношений и ценностей;
- расширенное воспроизводство всех социетальных подсистем – интеграцию и дифференциацию социума;
- положительную обратную связь, усиливающую интенсивность процессов новой структурной устойчивости в социуме;
- большую открытость социального пространства, ускорение социального времени.

IV. Традиция ответственна за функционирование, инновация – за развитие, вместе же они представляют два механизма, без которых невозможна самоорганизация простых и сложных социальных систем.

А то, что это взаимодействие традиций и инноваций происходит не благодаря воле Провидения и не автоматически, само по себе, а только лишь посредством деятельности самих людей, их общественной энергии, их историческому творчеству. И то, что сама эта деятельность отнюдь не произвольная и субъективистски-волюнтаристская, а подчиняется объективным законам и уже открытым и ещё не открытым социологией, это, надеюсь, не требует особых дополнительных доказательств.

V. *Традиция и инновация глубоко конкретны и историчны.* Нет традиции и инновации «вообще» и «как таковой» – такими они существуют только в абстракции. Конкретное потому конкретно, говорит великий диалектик Маркс, «что оно есть совокупность многочисленных определений».

Выше представлена попытка суммировать эти «определения» социальной, культурной и субъектной природы традиции и инновации, их «разнонаправленность» и противоречивость как *двух* механизмов самоорганизации социума, подчёркивающих и его функционирование, и его развитие.

Исторический характер традиции и инновации связан с крупными пластами («эрами») самодвижения социальной материи – антропогенезом, традигенезом (архаическими цивилизациями) и техногенезом (современной цивилизацией) и волнами великих социальных революций, которые «опосредуют» эти «пласты». Поэтому традиции имеют очень сложную и ветвистую «генеалогию» уходящую в первобытность (архетипы Юнга), в Средневековье (партимональное господство), в «тёмное царство» раннего капитализма (патернализм). В советский период они именовались «пережитками прошлого в сознании людей» (шаманизма, феодально-байскими, религиозными, националистическими, буржуазными и т.д.), а наилучшим и простейшим способом их «преодоления» – физическое изничтожение социальных носителей этих «пережитков».

Из многочисленных определений «культуры» имеется одно (принадлежащее ныне опальному классика М. Горькому): «Культура

есть организованное разумом насилие над живущим в человеке зверем». Социокультурные традиции и есть «организованное насилие» над звериным и варварским в человеке, они есть свод «элементарных правил человеческого общежития», без которых не могут существовать как малые, так и большие общества. Но эти традиции – сбережения человеческой жизни, богатства культуры, многообразия природы – с ходом цивилизации, а особенно в XXI в. – находятся не только под угрозой, но и попросту уничтожаются. Когда исчезает «организованное разумом насилие» на простор вырывается другое насилие, а именно – насилие зверства и варварства, являющееся фамильной чертой любого фундаментализма – правого (фашизм), левого (большевизм), конфессионального (исламского), а в наши дни – либерального (третья волна маркетизации по М. Буравому) и тогда «сон разума порождает чудовищ».

Перед социологией стоит задача не только исторического изучения генезиса и генеалогии традиций и инноваций, но и непосредственной защиты тех традиций и инноваций, того «наследства», без которого невозможно дальнейшее существование и развитие Человека и Человечества.